

Литературная газета

№ 26 (517)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 10 мая 1935 г.

Речь тов. СТАЛИНА В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ НА ВЫПУСКЕ АКАДЕМИКОВ КРАСНОЙ АРМИИ

4 МАЯ 1935 ГОДА

Товарищи! Нельзя отрицать, что за последнее время мы имели большие успехи как в области строительства, так и в области управления. В связи с этим слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, зеверно и невероятно. Дело не только в вождях. Но не об этом и хотел бы говорить сегодня. Я хотел бы сказать несколько слов о кадрах, о наших кадрах вообще и в частности в кадрах нашей Красной армии.

Вы знаете, что мы получили в наследство от старого времени отсталую техническую и полуницкую, разорванную страну. Разоренная четырьмя годами империалистической войны, повторно разоренная теми годами гражданской войны, страна с полу-гражданским населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонущими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств, — вот какую страну получила мы в наследство от прошлого. Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с реалью средневековья и темноты на реалью современной индустрии в капитализированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная. Вопрос стоит так: либо мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, либо мы ее не разрешим, и тогда наша страна — слабая технически и темпами в культурном отношении — растает свою жизнеспособность и превратится в объект игры империалистических держав.

Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищ. Но с этим уже ничего не поделать. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу. (Бурные аплодисменты, возгласы «ура»).

Да, товариши, мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации, не останавливаясь ни на одном шаге. А для этого надо было создать первоклассную индустрию. Надо было напротив эту индустрию на то, чтобы она могла способна реорганизовать техническую промышленность, но и сельское хозяйство, и на плавнодорожный транспорт. А для этого надо было экономить и на плавни, и в школах, и на машинах, чтобы накопить необходимые средства для создания индустрии. Другого пути для изживания голода в области техники не было. Так учил нас Ленин, и мы шли в этом деле по стопам Ленина.

Понятно, что в таком большом и трудном деле нельзя было ждать сплошных и быстрых успехов. В таком деле успехи могут обозначаться лишь спустя несколько лет. Необходимо было поэтому вооружиться крепкими первыми, большевистской выдержанкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперед к великому итогу вперед к великому будущему.

Теперь уже все признают, что мы добились на этом пути громадных успехов. Теперь все признают, что мы имеем уже мощную первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающейся и ведущей в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красной армией.

Это значит, что мы изжили уже в основном период голода в области техники.

Но, изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, в который мы изжили, в области людей, в области кадров.

В области работников, умеющих освоить технику и двинуть ее вперед.

Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но

не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выявлять из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликовали голов в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко не достаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертвя. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна лить чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках в наших сельхозкооперативах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных освоить эту технику, страна наша получила бы эффекта второе и четвертое больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот потому старый лозунг — «техника решает все», являемый отражением уже прошедшего периода, когда у нас был голов в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное.

Можно ли сказать, что наши люди поняли и осознали полностью величие значения этого нового лозунга? Я бы этого не сказал. В противном случае мы бы не имели того безобразного отношения к людям, к кадрам, к работникам, которое наблюдалось нередко в нашей практике. Лозунг «кадры решают все» требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим». В каком бы области они ни работали, выращивали они заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д. А между тем на деле мы имеем в целом ряд случаев факты бездушия-бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам. Этим, собственно, и объясняется, что вместо того, чтобы изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми, как пешками. Ненести машинами и рапортовать о том, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках, — научились. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рабочих тратили на это время, как скотину жадные большие, чем людей, одни из них ответят, при общем обобщении остальных: «что же нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сле-дим, чтобы они работали». (Общее оживление в зале). Вот вам итоги, может быть малозначительный, но очень характерный. Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является переносом того странного отношения людей к людям, которое складывалось в только что рассказанном эпизоде в далекой Сибири.

Так вот товариши, если мы хотим изжить с усюком голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного прин-

Я вспоминаю случай в Сибири, где было одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек пришел устроиться на реку ловить лес, унесеный разбушевившейся громадной рекой. К ветру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «как же так, остался?» с тем же равнодушием ответили: «что же там еще спрашивать, утонул, стало быть». И тут же один из них стал гордиться кудато, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить». На мой удивление, что они скотину жадят больше, чем людей, одни из них ответят при общем обобщении остальных: «что же нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда следим, чтобы они работали». (Общее оживление в зале). Всех боялись ярко освещен речью Сталина. Хочется работать лучше. И как можно больше внимания уделить молодым писательским кадрам.

Заканчивая речь, разрешите про взыскать тост за здоровье и целеустремленность наших академиков-выпускников из Красной армии! Желаем им успеха в деле организации и руководства обороной нашей страны!

Товариши! Вы окончили высшую школу и получили там первую золотую медаль. А школа — это только подготовительная ступень. Настоящая школа кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей. Помните, товарищи, что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не приаются от трудностей, а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и лизнуть трудности. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры. А если наша армия будет иметь в достаточном количестве настоящие закаленные кадры, она будет непобедима.

Здравствуйте, товариши! (Бурные аплодисменты всего зала).

Все встают и громкими возгласами «ура» приветствуют товарища Сталина.

За ваше здоровье, товариши! (Бурные аплодисменты всего зала).

Все встают и громкими возгласами «ура» приветствуют товарища Сталина.

Каждое отдельное выступление Т. Степана есть завоевание и победа социалистической мысли. Оно всегда знаменует новый дальнейший этап в поступательном движении нашей великой эпохи.

Испытываешь настоящую большую гордость, когда слышишь слова великого выдающегося человека. Они всегда обзывают его гением, дальнейшим этапом в развитии нашей страны.

Последние речи Т. Степана — одни из величайших высказываний мировой истории. Они подымают в страшно простых, человеческих словах всю грандиозную, нечеловеческую работу, проделанную страной за две пятилетки.

Так же величально и кратко эти речи называют перспективы будущего.

Исполнительно то товарищеское чувство, с которым были произнесены эти речи перед лицом товарищей — бойцов по классу.

Последние выступления вождя накладывают огромные обязательства двух пятилетий классических побед пролетариата выступления Т. Степана в майские дни в кремлевском дворце.

В них свернула та вершина, во имя которой совершились революции и великих гражданских войн — человек!

— человек!

Каждое отдельное выступление Т. Степана есть завоевание и победа социалистической мысли. Оно всегда знаменует новый дальнейший этап в поступательном движении нашей великой эпохи.

Со временем гражданская война и по сей день его гений упорно и неустанно устремлен в грядущее человечество.

Он взошел на вершину великой социалистической эпохи бессстрашным дозором новой жизни и ее племенным вдохновителем.

Он набрал недосыпаемую высоту из первых социалистических стратонавтов нашей планеты.

И с этой головокружительной высоты он выглядывает перспективы и прокладывает пути и тропы для по-бедоносного шествия пролетариата, сокрушающего все, что мешало и задерживало наиболее трудные переходы этого великого трумпфального шествия.

Он оседлал время, подчинив его ритму своим монументальным шагам, заброшивавшим нашу родину на стальной панцирь. Чтобы ни один вершок его не мог оторвать от стоящего.

Сталин — это кристаллизация его слов, это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллизация его речи, это кристаллизация его жизни.

Сталин — это кристаллизация его творчества.

Сталин — это кристаллизация его мыслей, это кристаллизация его чувств.

Сталин — это кристаллиз

ДВЕ КНИЖКИ „ЗВЕЗДЫ“

Ленинградские журналы «не отстает от московских: в конце апреля в нашем распоряжении были только два первых номера «звезд».

Обзор наш мы начнем с рассказов. Вопрос о рассказе, о новелле, о повести — это вопрос не только читательских вкусов; читателю, мол, находит многоотомный роман, подавай новому. Это вопрос развития у нас культуры художественной прессы.

Развитию этой культуры, однако, отнюдь не способствуют те пустые и вялые прозаические экзерсисы, которые встречаются в наших журналах вместо рассказов. Большинство этих произведений поражает своей бессмыслицей, мизерностью своего содержания. Рассказ Пономарёва «Любовь Васи Тарасова», помещенный в номере первом «звезд», в таком именно и принципиальном. Написан он с претензией, с кое-какими ухищрениями в композиции и стиле, но содержания в нем не удивительности мало. Вася Тарасов обижен на брата. Брат жалобой своей разрушил их дружбу. Но тут как раз Вася знакомится с девушкой, начинается роман. «Глубокая» мысль этого рассказання в том, чтобы показать, что Вася собственно жаждет любви и обижается на брата как подросток, отчаянно извращающийся. Это все.

Второй рассказ — «Добрая душа» Жестея — построена на курьезе, в концовке его есть анекдотическая забавность, но литературно он выполнен плохо, растянут, написан без всякого чувства стиля. Читатель, соскучившийся на третьей фразе, может его просто не доинтегрить, и концовка, в которой сама соль-то и заключается, остается втуле. Это новеллы первого номера. Во второй книжке помещен рассказ С. Лавренева «Обиды мистера Хилдинга». Это рассказ о путешествии иностранного туриста, галантейного фабриканта, в один из наших провинциальных городов. С Хилдингом — случайный попутчик, французский журналист, приходит из Советского союза. Конфликт между журналистом и фабрикантом из-за несходства во взглядах на Советский союз — тема рассказа. В рассказе есть живые моменты (колокольные звон в старинном монастыре, устроенный по просьбе иностранца, снискавший величайшее отношение к богатому туристику советским людям), однако, он да неизвестности сверх меры переслаивается. Встреча французского писателя с колхозниками (самолет из-за неподалеку в моторе спустился в поле, волынью деревни), когда выясняется, что председатель колхоза читал его книги, и колхозники дарят ему букет цветов, перевязанный голубой лентой, а председатель проигнорирует приветственную речь, и французский писатель плачет от умления и целует колхозников, а потом в обнимку с колхозниками лежит упакованной «крепкой водкой» — все это вызывает крайне фальшиво, глупо, расписано в квасном каком-то, лубочном стиле. Лавренев не опытный беллетрист и должен был знать, что такие вещи могут действовать лишь на крайне неизобретательного художественно неучетного читателя.

Так обстоит дело с новеллами в первых двух книжках. С очерками дело обстоит не лучше, если не хуже. К отделу «Культура и быт» идет еще к этому частям встречи поэта с читателями на страницах наших газет, то выступают впечатляюще радужная активность, творческая плодовитость Н. Асеева.

Это творчество настолько органично в своей спайке с нашими величественными социалистическими буднями и перспективами, что отключиться на него, поделиться с читателями своими впечатлениями от него — просто обязательно.

Тем более нужен такой отклик, что книжки 1934 г. есть какое-то реальное личного поэтического пути Асеева за последние годы и в то же время это — одно из конкретных решений вопроса о путях, мотивах, стилях советской лирики.

Советская лирика, вдумывающаяся в смысл этих слов и невольно свидавшая Асеева со всем тем строем новых идей и чувств, нового призыва поэта, который охватывает всю основную плейду наших советских поэтов. Маяковский и Демьян Бедный, Тихонов и Асеев, Базиленко и Багрицкий и многие другие, каждый по-своему, без всякого отказа от своей особости, при большом различии своих истоков создали свою работой большой и своеобразный мир новой советской лирики, советской поэзии.

Асеев — одно из типичных выражений этого нового мира. Читаем Асеева и видим поэзию, какая не было и не могла быть раньше, до нас, до революции.

Когда-то называли Асеева «попутчиком», были у него опицебийные левофланги на роли искусства в революции, с социалистом совершают «удивительные вещи» — перед нами теперь советский поэт, лирик, не управляющий искусством, но один из строителей социалистического искусства.

Как красивы были образы и мелодии Верзина, казавшегося веселым и

«Юхия» Ю. Тынанова с иллюстрациями худ. В. Чернечевой выпущена издательством «Советский писатель».

За исключением интересной, как всегда, статьи Маршака «Дело Геринга о подложке» (выдернута из писем детей к Димитрову) и комментариев к нему Маршака и стокса, вернее, главы из нового романа Ген. Фини, осталальной материала отдала весьма слаб.

В первой книжке в отделе «Культура и быт» помещены две отрывки из «Истории заводов». Оба они посвящены заварским драмам, оба говорят о добросовестной и сердечной работе, но вряд ли можно сказать, что они дали пример наиболее удачной формы, наиболее интересной литературного изложения материала по «Истории заводов». И у Венусы, и у Берголи есть сухость, перегруженность фактами, нет свободы в обращении с материалом. Они робко жмутся к фактам, кое-где блестяще, кое-где перекрывают диалогами, кое-где перекрывают, и в обоих нет смисла в изложении, нет замысла в самой форме. Литературно обработанные материалы по «Истории Фабрики и заводов» в журнале следут печатать с большим и строгим выбором, демонстрируя настоящие достижения. (В материале Ольги Бергольт из журнала «Электросила» и им. Коцюбинского последний раздел «Планы и новостройки» запоминается хорошо, это — яркая сцена).

О критическом отделе журнала сказать ничего. Критики в журнале, по существу, нет. «Звезда» избегает сказать современной советской литературы. Но зато подробно анализируются батальные сцены «Пармского монастыря», даются обстоятельный разъяснения к «Истории живописи в Италии» того же автора, помешаются исследование о границах влияния реакционного романтизма в творчестве Пушкина, дается большая статья о языке Чехова-драматурга.

Все это — полезно и поучительно, членение, что все же неизъясняется, как говорится, до бесчувствия. Прежде чем перейти к романам и к поэзии, мы изобличаем читателя в отделье беллетристики на статью Ал. Толстого «Москва до XIX в.» Хотя журнал и изобличает историй — и в критике, и в очерках и в романах, но история у Толстого реальная, чем у многих наших очеристов современности. Это короткий (на несколько страниц — несколько столетий), почти конспектный, но очень живописный исторический очерк.

О романе Ольги Форси «Казанская помещница» — центральная венча журнала в новом году — можно говорить только в очень определенных и довольно узких границах: вещь только начата. Начата она хорошо. Это момент Пугачевского восстания, самый драматический момент эпохи. Обиваны уже Екатерина, двор. Пугачев еще где-то далеко, за пределами романа, но создан уже тайный государственный совет, уже обсуждаются «меры пресечения полному вору и злодейской черни». Выведен уже и Радищев, уже намечены его

чертты как твердого и последовательного борца против «самодержавства» и даже как характеристика Фонвизина как соглашателя. В Радищеве, очевидно, и будет главный идеальный центр романа. Вещь уже увлекла, пресловутое продолжение желено — более чем неуместно. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендующую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Роман Ник. Чуковского «Слава» — вторая крупная вещь в журнале, литературно доброкачественная, однако, большого энтузиазма она не вызывает. Автор ведет свой роман с умом, весьмы понимая своих персонажей, несмотря на их характеризуемую ими же.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной, точной.

Из наконец поэзии. Первый номер открывается переводами Н. Тихонова из грузинских поэтов, главным образом Н. Минцхили и Г. Леонидзе. Советский читатель должен быть уверен в том, что рунические слоги в этом насторожившие, которые царят в концепции, во главе с Мультатули, в которых надо очевидно признать Ди- митрова, приемами буффонады — более чем неуместны. Еще эту затею в целом, доморощенную, претендую- щую, наеленную по самой своей идее и вместе с тем экономной,

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ПОЭТАМ СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ!

КАД ЧЕМ РАБОТАЮТ АРМЯНСКИЕ ПОЭТЫ

СОГОМОН ТАРОНЦИ

В 1934 г. Госиздат ССР Армении напечатал третью книгу моих стихов под названием «Легенда веков», в которую вошли лирика, легенды и баллады. В эту же книгу включены переводы из Фирдоуси, Гете, Гейне и Лермонтова. Уже в это время я пишу большую историческую поэму и перерабатываю одну народную сказку.

Сейчас я работаю над рядом лирических стихотворений, посвященных 15-летию советской Армении.

ВАГАРШАК НОРЕНЦ

После первого съезда писателей я начал в Армении том избранных стихотворений и поэм. Вместе с поэтом Гегамом Сарьяном перевел на армянский язык «Книгу песен» Гейне. В этом году исполнилось 15-летие майского восстания в Армении. На эту тему я написал ряд стихотворений.

Собирая материал я побывал в центре восстания — Ленинакане. Кроме того, в этом году я перевел ряд произведений М. Лермонтова, В. Брюсова, Н. Тихонова и др.

Осенью этого года исполнится 15-летие советизации Армении. Передо мной, как и перед всеми армянскими писателями, стоит трудная, но благородная задача — дать новые произведения высокого идеиного и художественного качества для этого национального общества. Для этого нужна грандиозная, действительная ласти колоссальный материал. Армянская же вековая культура и литература дают неисчерпаемые средства для художественного выполнения этих задач. Я сейчас работаю одновременно над двумя поэмами — одна посвящена Севан-Зангискому каскаду, другая — эпохе империалистической войны в турецкой Армении.

ГЕГАМ САРЬЯН

В течение последнего года я написал ряд лирических стихотворений и поэм, которые печатались в периодической печати Армении. Только что я окончил поэму «Ираны» из персидской жизни. Поэма напечатана в последнем номере журнала «Хордурдан Гракапутон». В 1934 г. с поэтом Вагаршаком Норенцом мы вместе перевели на армянский язык «Книгу песен» Генриха Гейне. В ближайшее время Арменгиза выходят сборники моих стихотворений и поэм. В наступающем времени я работаю над поэмой о гражданская войне в Армении.

АЛАЗАН

Закончив производственный роман «На 60-м горизонте» сейчас я работаю над новым сборником стихов, который называется «Богатство». Во-

гатство — это наша социалистическая родина бескорыстных героев, это новый человек, новые чувства, это красота нашей родины — это наша любовь и ненависть. Вот благотворное, которое я хочу отразить в своей книге.

Параллельно готовлю к печати научно-исследовательскую работу «Демократические элементы в турецко-армянской литературе XIX в.».

Гослитиздат сейчас печатает следующие мои книги — «На 60-м горизонте», производственный роман из жизни горняков Армении, и «Армения — страна солнца и радости».

НАРИ ЗАРЬЯН

Уже два года, как я работаю над романом из колхозной жизни. Цель романа — показа становления нового человека в борьбе с остатками кулаковства и собственническими пережитками в сознании колхозника.

Одновременно на материале романа пишу сценарий для кино.

Параллельно с романом работал над двумя поэмами, из которых первая на колхозную тему, вторая на тему гражданской войны. Отобразить в поэтической форме малое восстание большевиков и гражданскую войну в Армении и считать своей основной целью.

В Эривани появляется мой новый сборник поэм и стихов.

На русский язык переведена поэма «Рушанский утес».

АЛАЗАН

В СИНЕЙ МЕЧЕТИ

Под небо куполом, в подночный зной нагретым.

Взвешает синяя мечеть,

Карабкается вверх неверным минaretом,

Грозя о камни згребмет.

Там звери, черепами подобные орбитам,

И келья с кельем вдвое —

Тысячелетие, подпретое разбитым

И немедленным костылем.

Деревья дремлют грустят там легковейно,

Там жизнь — томпление одно,

И медленна струя бессонного бассейна,

Чье камнем выпложено дно.

И коронованной генинью голову,

Не пропускающая почек,

Стволы хранят еще затыльки вековых

Агонизирующих.

А во дворе бассейн в истоме оттоманский,

И смертниковые во мгле

Зевают тягостно и тянут, как в тумане,

Зловеще-душный нариги.

Вот безязык, среди других смех нубородых,

Муллы разлегся, престарел...

Он молчит все еще о нескольких восходах,

Хоть взор его завечерел.

И у могилы шах слабеющий замедлив,

С житейской лестницы своих

На проходимый свой путь он смотрит, неприветлив,

Но все сто дважды ступеней.

Руки перегнутые чуть движут этот предел...

Окостенелая рука

В раздумья бороду серебряную гладит,

К ней прикасается слегка.

И в мрачных сумерках вечернего виденья

Пред старцев воскресают вновь
Мечты гулкие, и верных приношенья,
И хмель, и песни, и любовь
Припомнит он и перв светлокожих,

С навившим бешенством страсти,
И наслаждения, и трепет пасхи, похожих

На всплески утренних пучей.

И минут, чтоб вновь судьба на блещущем рассве

Его обятьям предстал

Ненасытимые, свирепающие эти

И воспламененный тела.

Но станы гибкие, что вят неустомимо

В тумане белом борода,

Вновь извиваются и ускользают мимо,

Уничтожаясь навсегда...

Бледеет лицо, как бы зализт воском...

Уйти пытаешь от судьбы,

Он хочет на врага удирить с верным войском

Но навязчиво падает, как жалкая руина,

Угрюмый выпятил кадык,

И только борода взевается, струя ива

Перевод с армянского

БОРИС БРИК.

Наири Зарьян

Отрывок из поэмы „Рушанский утес“

С утра в лесу динамит стал грохать и греметь.
В доме Сантроса стена дрожит за прочность свою.
На четверенях удрал из-под деревьев медведь.
Хворост собирая, бедняк молвил: — Уже не блох!
В воздухе вихрем кружила и рассыпалась кругом.
К гимном победы людей над дикой глухушью чащебы.
К вершинам гор поспешил эхом, как радостный гром.
Эхом кругом поспешил, всходя проникло оно.
Вниз, где в щельях темно, вверх, где сияет утес,
В силах окрестных гремит, громким восторгом полно,
Вести разносит о том, что солнце жизни зажглось.
Сиднев сидевших крестьян, около низких домов
Тихо курившим табак, свой гуласар-самосад,
Поднял, заставил вскочить варызов грехоучущих зов,
К лесу направил все быстрый, стремительный взгляд.
— Это, — кричал, — Горпромстрой! И в лес работать текут
Сел малокровная жизнь соном труда напилась.
Кончи в уборку хлебов, взялись за пом и кирку,
Силая наклоненным их теперь дорога нашлась!
К лесу телеги пошли, вдали растянувшись в пути.
Назад пошли, погрузив мрамор белее, чем снег.
К городу винулся вновь, сено и хлеб захватив.
Мрамора тяжесть воспел скрип нагруженных тел.
Встретился им инженер — вот, где наука видна! —
Тропники он измерял, к заданиям техники строг.
Шоссе потянулись в глуху, словно куски попона.
Город леса охватил сетью советских дорог.
Поднял от страха Сантрос В лес трусится дубы.
Победой юной звенит речь комсомольца Васо.
Горным работником стал тот, кто крестьянин был
И те, кто бежали прочь, прятались в тень своих ям.
Вырвались, словно вбок, из тесных окопов в бой.
В копах работа кипит, кругом по близким горам
Девушки звонко поют, в песне собравшись гульбой.
В песне их радость и свет будущий жизни звучат,
С песней поет у них про молодых горняков
И про влюбившихся в них юных колхозных дивчат.
С песней обирают они множество диких плодов
Яблок и груш урожай там собирают они,
Спелый шиповник берут — плодоносильниа идет
Позже, зимою, пурга белым хвостом зазевит,
Девушки в город пойдут — ждет их консервный завод.
Перевод СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.

В следующем номере «Лит. газеты» появится армянский поэзия.

Гурген Маари
ВОИНА
ФРАГМЕНТЫ

И стало так —
Пароходов ползущих громады,
Поезда, чьи зрачки напряжены,
Вооружились мстительным ядом
И зажгли даль взметенной страны.
В кровавом тумане смерти
Села, деревни нанизаны.
— О, войны презиущий ветер,
В пожаре пляшущие избы:
— Ветер!..
Он полетел на железных крыльях
К северу, югу, востоку.
Ветер злобы и насилия
На залад помчал далеко.
Со степей напател он, красный ветер,
С гор, деревень, водолюбов.
Красный ветер, красный ветер, красный ветер
Обернулся в армии, в отряды:
— Ветер!..
Он города и веси кинул друг на друга,
Жаждущий крови, злой, и пукавый.
Перемешал он север с югом.
О, тяжелый сон, кровавый,
Он заведом предал смерти,
Вызвав к жизни новые заводы:
И по фронту танки бродят,
Пушки грохот версты мерят:
— Ветер!..
С умоплих заводов, с заброшенными по:
Собрав сотни тысяч людей,
Эшелонами серыми двинул он
На войны кровавый фронт.
Деревни и села взяты под копыта,
Горы города, вокзалы в огне.
И городские сады изрыты,
И пламя стремится настичу пулю.
О, ветер, ветер, ветер!
И смерть, и кровь, и разруха.
В солнце врага мы встретимы,
За плечом — его кровь.
Из пыли — его краюха.
И на трупами до утра.
Капеки в пазарете
Кричат: Умереть пора!
Аэропланов гонка,
Пароходы выплевывают яд.
И глиняный обломок
Вся жизнь: его, моя,
Солнце, преври движенье,
Враги и тебя поразят.
Ты — покорное пупы рвашенье
Для них, когда жизнь — ад!

Хайда, хайда!
Хайда, хайда!

— Русский полковник, блондин

Шинель наден, прохвост!

Война — пустой вопрос!?

Ты не один

В сверкальны зловоп:

С тобой дашами, хмбалет.¹

Вместе с «Красным и черным»,
«Пармским монастырем», входит в класс

литературное наследство западной литературы прошлого века. И сущность реалистического творчества Стендэля, и своеобразие его реализмичности, и ее истоки от разума, от политических вкусов автора и, наконец, ее романтический колорит зачехлился в «Пармском монастыре», представляющем замечательный литературный памятник эпохи. «Пармский монастырь» мог бы быть одним из двух трех романов, посвященных Евгению Онегину, ибо, как говорят Пушкин:

в них отразился век,
И современный человек

Изображен довольно верно

С его безнравственной душой,

Себялюбием и сухой,

Мечтанию преданной безмерно.

Написанный больше двадцати лет

спустя после Ватерлоо, незадолго до смерти автора, роман однажды исполнен духа, когда он юных дней, когда вместе с «Крушением цезаризма»

входит в класс

литературного наследства западной литературы прошлого века.

Вместе с «Красным и черным»,

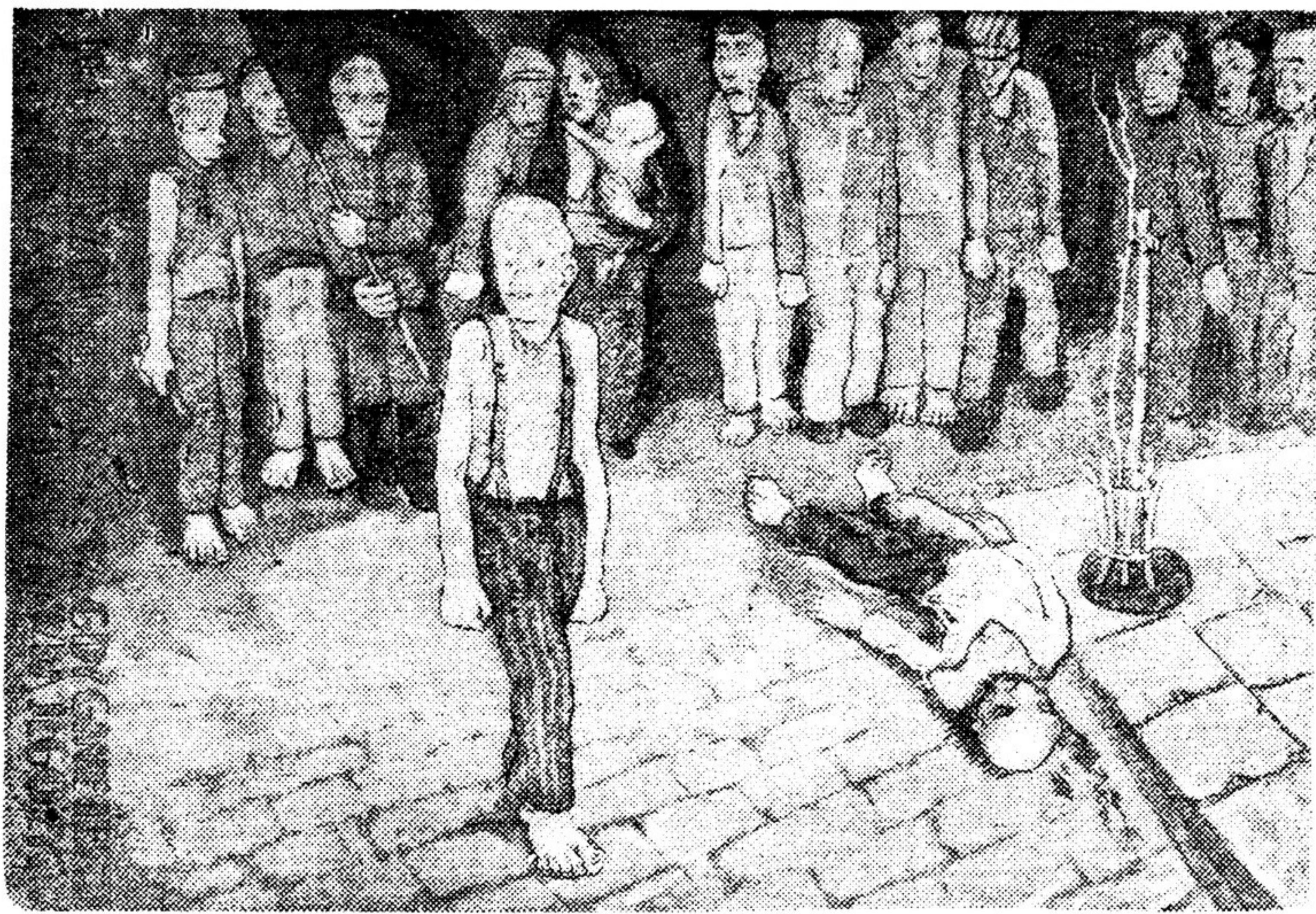
«Пармским монастырем», входит в класс

литературного наследства западной литературы прошлого века.

Вместе с «Красным и черным»,

«Пармским монастырем», входит в класс

<p

«Поход безработных». Офорт польского художника Ю. Вермуса.

От колониальной романтики к действительности

Мы мало знаем Латинскую Америку, еще меньше знаем о ее литературе, а вместе с тем в различных странах Южной и Центральной Америки революционное движение тесно переплетено с деятельностью революционных групп писателей, художников и студенческой молодежи. Эти страны, в которых борьба иностранного капитала, в частности борьба между английскими и американскими концернами, вылилась в новые, наряду с обнаженными формами полуфеодальных отношений, даже обильный материал для работы революционного писателя и художника.

И в отношении этих стран происходит то же самое, что происходит в отношении Голландской Индии. Буржуазная и колониальная литература старается изобразить эти страны, как наследие, вечнотанцующими, веселыми, всем довоенным эзотерическим народами, специально созданными для увеселения пассажиров океанских пароходов отправляющихся в эзотерические увеселительные райсы. Так рисуется в тысячах проспектов рассказов и романов «эзотерики» острова Бали в Голландской Индии, так рисуется идеалистическое житье в Гаване, так вакхон французская литература рассказывает маленьку южноамериканскую негритянскую республику Ганти, некогдя французскую колонию, сохранившую и до сего дня (как единственная страна в Южной Америке) обходной и государственный французский язык.

Колониальный террор в Голландской Индии и в Гаване разоблачили уже давно всю «прелестную романтику», созданную оплаченными пароходными компаниями и колониальными концернами писателями и журналистами.

Сейчас очередь за Ганти, республикой, фактически управляемой, как и большинство южноамериканских стран, иностранным колониальным капиталом.

Мы предоставляем слово двум описывавшим литературную жизнь этой маленькой страны.

Первое мы находим во французском реакционном журнале «Ревю де Франс». Оно заглавлено «Республика поэзии»...

«Я нахожусь в избранном обществе, где красивые краски смешаются, как цветы, где дискутируются вопросы литературы и искусства. Здесь все говорят об индийской цивилизации. Я закрываю глаза: где я нахожусь? А. Г.) или в Париже? Здесь читают французские романы и французских поэтов; здесь этим поэтам подражают.

И как же иначе! Здесь все — поэзия, чувство красоты расцветает здесь само собой. Литература Ганти прекрасна. Во все эпохи, во всякой среде жителей Ганти воспеваются свою землю и свою любовь. Поэзия дает этой стране бесконечную прелесть.

Так — и в еще более восторженных выражениях — описывал гаванскую литературу Аугуст Виант в страницах реакционного литературного журнала «Ревю де Франс».

А сегодня мы читаем на страницах американского журнала «Нью-репортер» под заголовком «Политические узники в Ганти» (этот заголовок, конечно, не так красив, как «Республика поэзии» Вианта...), письмо редакции комитета по борьбе за освобождение Жака Румена.

Жак Румен — молодой гаванский писатель. Он принимал активное участие в кампании за обострение «��» в Скоттсборо и состоял в переписке с антифашистскими организациями в Соединенных штатах. Однажды строгий цензор был задержан письмом, адресованное Румену из Нью-Йорка, в котором говорилось, что в его адрес отправлены «материалы» под заголовком «Политические узники в Ганти» (этот заголовок, конечно, не так красив, как «Республика поэзии» Вианта...), письмо редакции комитета по борьбе за освобождение Жака Румена.

Жак Румен — молодой гаванский писатель. Он принимал активное участие в кампании за обострение «��» в Скоттсборо и состоял в переписке с антифашистскими организациями в Соединенных штатах. Однажды строгий цензор был задержан письмом, адресованное Румену из Нью-Йорка, в котором говорилось, что в его адрес отправлены «материалы» Речь шла о материалах, по кампании за Петров Скоттсборо.

Комитет по спасению этих гаванских писателей приступил к работе об этом сообщает письмо-рассказание в страницах «Нью-репортера».

Так хроника жизни расшибает колониальную романтику, создавшую писателями типа Аугуста Вианта.

Но Аугуст Виант не единок. Их целая легенда — писатели, живописцы эзотерику, пущающиеся в различные романтизмы, национализмом, колониальную

литературу в Германии. Появилась целая серия романов и приключенческих книг, описывающих культурную работу немцев в своих бывших колониях. С другой стороны, вновь осмысливаются эпизоды войны в отдаленных колониях, поход генерала Леттгоф-Форбека в германской Африке, или эпопея «Легионов из Цинда». Переезжаются многие десятки раз в поисках настоящего типа героя немецкого колониального романа. На малую роль во всех этих романах играют и рисовые теории германского патриотизма. Эти теории, трактуемые о великом единстве скандинавско-германских душ, пытаются оказать влияние на литературу скандинавских стран. Так и норвежский писатель Хильмар Фрикс выпустил роман «Мужчина Маркус», в котором со всем стандартным использованием всего арсенала занимательно-эзотерических приключений рассказывает историю некоего норвежца Маркуса, бросающего его раненых в далекие плавания, затем на поля сражения во время балканских войн и находки в немецких окопах, в которых норвежец Маркус собирается доказать единство скандинавов и германцев. Следует ли говорить о том, что роман этот вышел в немецком переводе и на всеяде расхваливается немецкой прессой?

Поль Моран проносится по колониям, набрасывая свои заметки и репортажи на ходу, в то время как старые колониальные писатели, рекламировавшиеся из числа колониальных офицеров и чиновников, живут в колониях десяти лет и были настоющими непосредственными колониаторами.

Многие из них играют и сегодня известную роль, сменяя пращу и амплуа и работая в ежедневных газетах в качестве «экспертов» по колониальным вопросам. Именно в таким образом писателям относились престарелый семидесятилетний ветеран колониальной войны Пьер Миль, теперь постоянный сотрудник ряда французских газет.

В восемидесятых годах прошлого столетия Миль начал карьеру колониального чиновника, скоро соединив ее с карьерой колониального писателя. В ряде своих романов он рождает типичную фигуру героя представителя колониальной администрации Барнико, беспадебного рабби, пестрое приключение которого должны были удивлять читателей и заставлять их увлечься действовать на воображение тогдашней молодежи.

И бравый солдат Барнико делает свое дело, какая-то молодежь пытается колониальные части завоевывать Альжир, Тунис, Марокко.

Но сегодня похождения Барнико не тронут никого, они показаются смешными любому читателю, солдатеска окончательно вышла из моды, и на смену этой «романтике щита» приходит «романтика красоты» и далее юмористики.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И бравый солдат Барнико делает свое дело, какая-то молодежь пытается колониальные части завоевывать Альжир, Тунис, Марокко.

Но сегодня похождения Барнико не тронут никого, они показаются смешными любому читателю, солдатеска окончательно вышла из моды, и на смену этой «романтике щита» приходит «романтика красоты» и далее юмористики.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

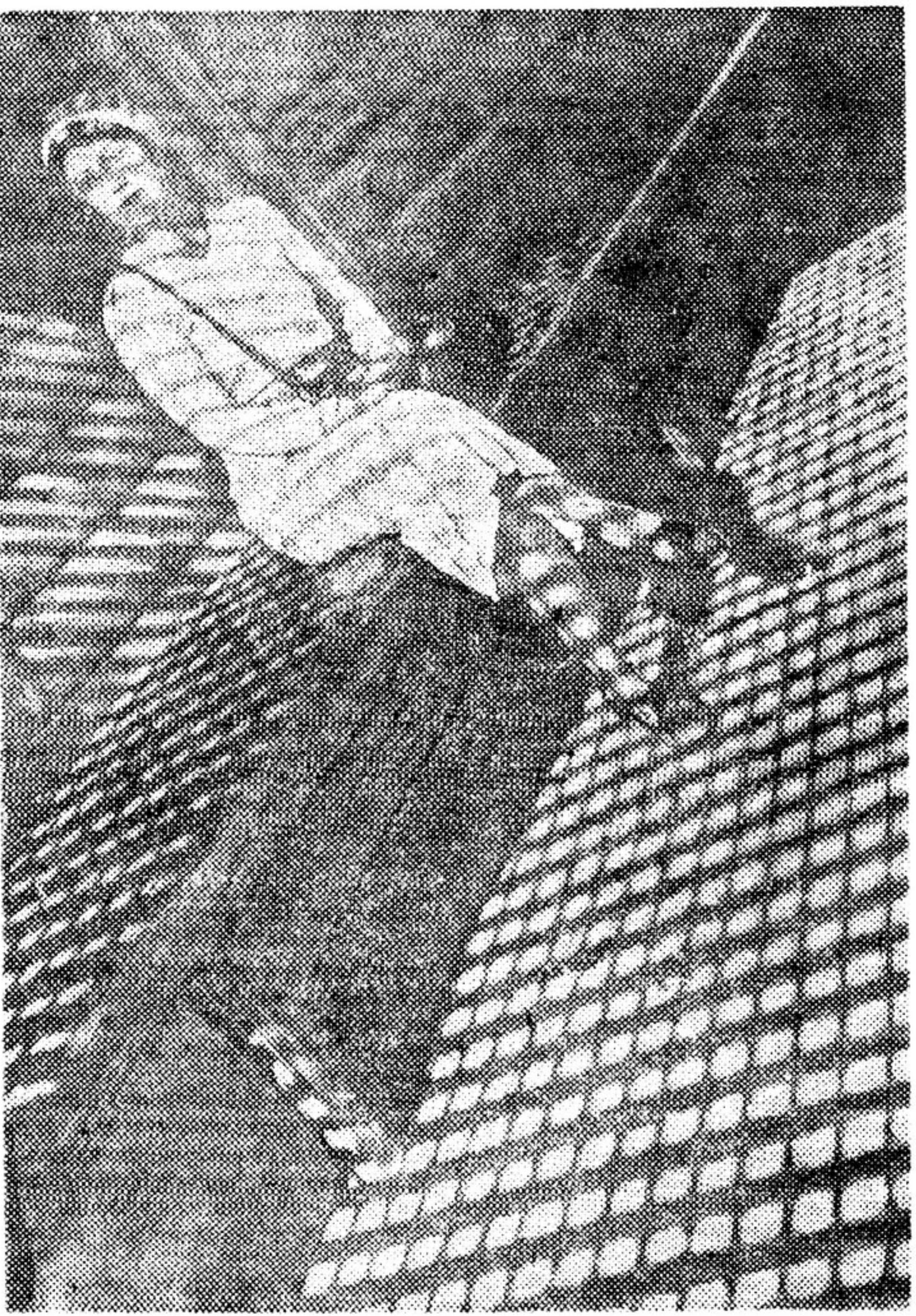
И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

И если сегодня люди типа Аугуста Винта собираются представлять «колониальную» литературу Франции, то нельзя не признать, что представители прошлого поколения колониальных романистов были для своей эпохи куда крупнее и значительнее, чем они казались писателям.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ К ОБ'ЕКТИВУ

Портрет Е. Лемберг. Фото А. Родченко.

У М. Прищина — «Лейка». Он примеряет ее на прищуренный глаз, и панты, лживым собака, подмосковные ягоды укладывают рядом загадочным негативом.

Сергей Третьяков первым и «Лейкой» показал первый «Собачью жизнь» французской Германни в 1931 г. на выставке московского Дома печати. Книги Третьякова «Вызов», «Месяц в деревне», «Чужие», «Ден Ши-хуа» вышли с фотографиями автора.

Фотограф Третьяков иллюстрирует очеркиста С. Третьякова в журнале «Смена», «Строим», «Проект» и др. Этот же писатель дает фотографии в журнале «СССР на стройке». Известны его «Четыре победы», выпущенные в XVII съезде ВКП(б).

Только Илья Эренбург «Мокм Нарисов», сочиняется с Третьяковым.

Люди иногда удивлялись, почему я и снимал забор или мостовой. Они не знали, что я снимал их. Но они находились передо мной, отвертывались или прихорашивались: они думали, что я снимал их. Но я снимал других: тех, что были в стоянке. Я на них глядел, но именно их я снимал. Это на редкость хитрый аппарат. Зовут его лежко «Лейка».

«Лейка» боковой видоскопатель. Он построен по принципу перископа. Я снимал под углом в 45 градусов. Я говорю об этом, не красясь, — у писателя своих понятия о честности. Мы все живы и только и делаем, что заглядываем в чужие окна и подслушиваем у чужих людей. Таково реальное.

Советское фотографическое искусство овладевало стилем социалистического реализма. К сожалению, никакой теоретический уровень фотографиков и методологическая беспомощность специальной печати задерживают этот глубокий процесс.

Не ремесло, а искусство. Большое искусство великих идея. Совсем недавно добилась фотография такого признания. Но сколько еще остается стыдливых горгор! Им способствуют сами фотографы. Своим несамостоятельностью, мелкими культурными ростом, слабой технической квалификацией. К тому же — недолюбленка фотографии общественностью. Даже печать хранят молчание и ничем не обясняют развидину.

Фотография стала искусством с появлением светосложной оптики. В фотографии художник через механические средства определяет свое отношение к действительности. Фотонесколько, как японцы, одно из самых массовых искусств. Масковые и универсальные, оно вместе с тем в всех пространственных искусствах — самое занимательное техники.

Фотография — примущественно искусство композиции. Этим обясняется то, что первые и лучшие мастера фотографии пришли из братского искусства — живописи. Родченко, Грекова, Скурихина, Андреев, Бахонов, Бремин.

На рост фотографии благотворно влияет содружество с художником-монтажистом и литератором-текстистом. Так вспыхнула запомнившаяся «СССР на стройке».

Но в работах последней московской выставки мало еще той замечательной тенденции, как особенности советского искусства, о которой говорил на съезде советских писателей Т. А. Жданов. В советской фотографии еще не отразился самостоятельный, мыслищий подход художника к изображению.

Фотография по условиям своей технологии может способствовать росту стихийного натурализма. Но правильность социалистического искусства несомнима с натурализмом и формализмом.

А. Горский на посвященном советским писателям с киноискусствами сказал о нашей живописи, что «она слишком фотографична». В такой же степени будет справедливо сказать о художественной фотографии: она слишком по-стального живописи.

Еще один штрих цветной ретушью. Сопровождение на выставке — это не отражение, хотя большинство фотографов практиковано далеко не лучшими работами.

М. Альшерт, Д. Дебабов, Б. Кудояров, Е. Лангрин, Н. Петров, Г. Петров, М. Прехнер, С. Фридлянд, И. Шагин, А. Шахмат, А. Штеренберг.

ПОДВИГ

Е ВЕЙСМАН

I. КОМАНДИР ОТРЯДА

— Они не знали техники полета и летали, как вальяжные сапоги... сказал мне мой спутник. Мы шли в авногородок через старое кладбище. Вокруг нас были могилы летчиков. Над ними стояли пропеллеры. Должен давно смылся с них лак, они побледели и покоробились. К тропеллерам были привиты цинковые дощечки.

Летчик А. Кузьмин пал в бою 1920 г.

Тиши, листья, не шумите, Много Лено не будите, Пускай он спит под синим крестом Непробудным, вечным сном.

Слово «крестом» было замерзнуто и на нем кто-то карандашом написал «святом». Железные листья на ветках засекли под ударами ветра.

— Тогда летчики не умели еще выходить из «рокового» штурмана и спасались с земным шагом. А сейчас штурман — азбучная «фигура», — продолжил мой спутник.

Он был командиром отряда в штурмовой эскадрилье. О нем летчики говорят, что он летает «полоса», что из него выйдет «асс».

И молодой командир, улыбаясь, рассказал мне одну из таких историй о летчиках-«хлопах», где правда тесно сплетается с вымыслом и где неизменно слушателю трудно отличить правду от вымысла.

Однажды некий летчик поспорил, что он удивит своих полетом всех товарищей. И на самолете-истребителе, на маленьком «хлопе», он взлетел в раскрытые ворота порта изнутри, круто взмыл кверху и вблизи.

— Здорово? — спросил меня командир. — Если это не правда, то хорошо придумано!

— А можно ли такую полет через актора играть красивей? — спросил я командира.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном платке, усеянном желтыми цветочками.

Она смотрела в ту сторону, куда прилетела летчица. И значит совершил красивые и смелые полеты. Но мы должны лететь красиво, чтобы впечатлить страх наших врагов.

На выставке, кроме персональных экспонентов, участвуют три организации: Союзфото, Интурист, Москонтакт.

Мы подходим к авногородку. Солнце вышло из-за рощи: оно осеняло дома, и оконные стекла вспыхнули сразу оранжевыми огнями.

Над авногородком лизо летели два звена истребительных самолетов, и от гулов их моторов дрожали стекла.

В окнах показались жены командиров и, сдувшись от яркого солнца, отыскивали глазами самолеты, на которых возвращались их мужчины.

Быстро обледенелых руках в подштанниках, развенчанных на веревке, стояла маленькая старушка в черном

